

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 90–96. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 90–96. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(410.1).09"16/17"

EDN JWBLQD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-90-96>

ОБ ОТСЫЛКАХ К «МАКБЕТУ» В ПОСЛЕДНЕМ РОМАНЕ ДИККЕНСА «ТАЙНА ЭДВИНА ДРУДА»

Халтрин-Халтурина Елена Владимировна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, elenahaltrin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2205-9444>

Аннотация. Несмотря на хорошо известную специалистам систему шекспировских отсылок в произведениях Диккенса, переводы и адаптации «Тайны Эдвина Друда» часто игнорируют эту перекличку, что сказывается на восприятии романа за пределами англоязычного мира. Настоящее исследование фокусирует внимание на системе ключевых отсылок к «Макбету» в «Тайне Эдвина Друда» и выявляет, как эти реминисценции изменяют трактовку персонажей и событий романа. Исследуется, как Диккенс использует скрытые и явные цитаты из шекспировской трагедии для создания атмосферы предопределенности, сближая образ Джона Джаспера с Макбетом. В статье рассматриваются мотивы вероломного нарушения гостеприимства и безумия. Уделяется внимание сцене бури, символизирующей попрание законов нравственности и миропорядка. Упоминается фигура хозяйки опиумного притона – Принцессы Курилки, сходной с макбетовскими ведьмами. Проводится параллель между галлюцинациями, преследующими Макбета и Джона Джаспера. Помимо литературного анализа, работа содержит краткий обзор нескольких экранизаций «Тайны Эдвина Друда» (включая российский телеспектакль 1980 г.).

Ключевые слова: Чарльз Диккенс, Уильям Шекспир, реминисценции, аллюзии, готика, суггестия, сцена бури, гостеприимство, призрачные видения, переводы, адаптации.

Для цитирования: Халтрин-Халтурина Е.В. Об отсылках к «Макбету» в последнем романе Диккенса «Тайна Эдвина Друда» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 90–96. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-90-96>

Research Article

ALLUSIONS TO *MACBETH* IN DICKENS' LAST NOVEL *THE MYSTERY OF EDWIN DROOD*

Elena V. Haltrin-Khalturina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. elenahaltrin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2205-9444>

Abstract. Although the presence of Shakespearean allusions in Dickens' works is well known to scholars, translations and adaptations of *The Mystery of Edwin Drood* often overlook this aspect of the novel, affecting its reception outside the Anglophone world. This study focuses on the system of key references to *Macbeth* in *The Mystery of Edwin Drood* and examines how these reminiscences shape the interpretation of the novel's characters and events. It explores Dickens' use of both explicit and implicit quotations from Shakespeare's tragedy to create an atmosphere of fatal inevitability, drawing a parallel between John Jasper and Macbeth. The article discusses the motifs of betrayal of hospitality and madness, emphasising the significance of the storm scene, which symbolises the violation of moral and cosmic order. Special attention is given to the opium den keeper, Princess Puffer, whose role evokes that of *Macbeth*'s witches. The study further examines the parallels between the hallucinations haunting both Macbeth and John Jasper. In addition to a literary analysis, the article offers a brief overview of several screen adaptations of *Drood*, including the 1980 Soviet television production.

Keywords: Dickens, William Shakespeare, reminiscences, allusions, Gothic, suggestion, storm scene, hospitality, spectral visions, translations, adaptations.

For citation: Haltrin-Khalturina E.V. Allusions to *Macbeth* in Dickens' Last Novel *The Mystery of Edwin Drood*. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 90–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-90-96>

Незавершенный роман Диккенса «Тайна Эдвина Друда» (“The Mystery of Edwin Drood”, 1870), оборвавшийся вместе с жизнью писателя, обрел репутацию детективного произведения в годы расцвета детективного жанра, то есть к концу 1890-х гг.: примерно через два десятилетия после первой публикации книги. Внимательно обращаясь с фактами истории литературы, следует признать: роман написан до того времени, когда полностью оформились жанры детективного повествования. Тому, как менялось восприятие произведения – включая представления о его жанре и о «тайне» заглавия, – посвящены исследования многих диккенсоведов [Cox, Matz, Orford]. Известно также, что продолжатели Диккенса пытались домысливать роман в разных, не только детективных, плоскостях.

В 1870 г., когда Диккенс создавал свой роман, использованное им слово *mystery* в контексте литературных интересов того времени предполагало направленность внимания на сферу не только протодетективную (связанную с расследованием преступления) и не только мистическую (сопряженную с поверьями и предрассудками), но и на сенсационно-психологическую. То есть современников Диккенса занимал вопрос: «Как именно и почему осуществлялось столь неприемлемое для приличного общества деяние?».

В тексте романа зловеще выписан подозреваемый виновник трагедии: Джон Джаспер, дядюшка Эдвина Друда, служивший регентом хора в городском соборе и пользовавшийся уважением многих людей. Противоречие между доброй репутацией Джаспера и его совсем не добрыми действиями, красочно описываемыми Диккенсом, не может не тревожить умы читателей, возбуждая желание разобраться в происходящем. В воспоминаниях близкого круга Диккенса отмечено, что именно Джаспер, по замыслу автора, оказывался преступником [Orford, Сафонова, Чечётко и Фролов, Халтрин-Халтурина]. Зачем и какими путями столь достойный человек дошел до совершения страшного преступления, и способен ли он сам осознать и принять содеянное, – действительно темная история (*mystery*, тайна), на которую, согласно вкусам викторианских читателей, следовало бы пролить свет. По сути, это роман о раздвоении личности Джаспера. В завершенных им главах романа Диккенс вплотную подвел своего читателя к моменту, когда, находясь под действием опиума и расправившись с Эдвином, дядюшка Джаспер постепенно приходит в себя и никак не может смириться с мыслью о том, что его любимый племянник погиб.

Известны многие персонажи английской литературы XIX в., переживающие раздвоение личности (см. об этом, например: [Wadoux]). Для них характерны психическая неуравновешенность, при-

страстие к наркотическим веществам, приступы агрессии и частичная потеря памяти. Джон Джаспер у Диккенса именно такого типа герой. Он очень близок мистическим «двойникам» – заглавным героям повести Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886), по-своему предвосхищая их появление примерно на 16 лет.

Пытаясь укоренить в сознании читателей мысль о том, что Джаспер является убийцей Друда, Диккенс опирается на технику *suggestion* (суггестия, внушение). В художественном тексте это выглядит как постоянное акцентирование тревожных смыслов, передающихся читателю с помощью скрытых цитат из шекспировской трагедии «Макбет» и мерцающих аллюзий. Понятно, что такого рода аллюзии обыкновенно рассеиваются при переводе на другие языки, в том числе и на русский. Не всегда сохраняется макбетовское эхо в его театральных и кинематографических переделках, что заметным образом сказывается на восприятии данного произведения мировой литературы, искажая его смыслы. Поэтому привлечь внимание русскоязычной аудитории к соответствующим лакунам, образующимся при отдалении от оригинального текста, весьма целесообразно.

В научной литературе о перекличках между Диккенсом и Шекспиром сказано немало. Правда, это литература, написанная в основном на родном для Шекспира и Диккенса английском языке. В 1930-е гг. в британском Диккенсовском обществе выносились на обсуждение отдельные макбетовские мотивы, фигурирующие в «Тайне Эдвина Друда» [Duffield], а в 1970–90-х гг. этот перечень был серьезно расширен и упорядочен в специальных трудах [Jacobson, Gager]. По подсчетам научных комментаторов, легко узнаваемых «макбетовских» отголосков в диккенсовском романе не менее двух десятков [Jacobson: 2, 31, 33, 103, 107, 113, 127, 129]). И это не просто общие места для произведений с готической и сенсационной тематикой. В комментариях к изданным русским переводам «Тайны Эдвина Друда» подобного рода сведения на сегодняшний день отсутствуют. Поскольку данный смысловой пласт слабо освоен за пределами англо-американского диккенсоведения, широкий зритель (да и читатель) совершенно лишен возможности насладиться изысканной шекспировской составляющей последнего диккенсовского романа.

По моим наблюдениям, искусно вплетая в свой текст реминисценции из «Макбета», Диккенс не ограничивается трагедийно-готической составляющей этих перекличек: он подпитывает то гнетущую атмосферу мрачных ожиданий, то ощущение театральной происходящего, развешивающего такую атмосферу. Иначе говоря, далеко не все макбетовские отголоски в «Тайне Эдвина Друда» – удручающие,

встречаются и комические. Далее мы остановимся на нескольких группах отголосков, связанных с бушеванием разгневанной стихии, с ведьмами-предсказательницами, с попранием законов гостеприимства, с призрачными видениями.

Мрачную атмосферу создает диккенсовский рассказчик, опираясь на систему не вполне эксплицитных аллюзий. Вспомним отрывок из гл. 14 романа, живописующий исчезновение Эдвина Друда в зимнюю ночь с 24 на 25 декабря, обнаруженное жителями города после пронесшегося урагана. Незабываемая буря, разразившаяся в ночь на Рождество, полностью изменила судьбу главного героя и потряхнула жизни многих персонажей.

В свое время сильнейшая буря разразилась и в «Дэвиде Копперфильде» (гл. 55). Однако та диккенсовская буря была насыщена отсылками к «Королю Лиру»: она ассоциировалась не с убийством, а с нарушениями порядка мироустройства, нравственной и ценностной иерархии – и потому неслучайно неотвратимое наказание бесчестным нарушителям законов общества (ср. Лира и Стирфорта) [Beer, Whiteley]. Эти памятные бури также вырывали из тайных уголков и выбрасывали на открытое пространство прежде обездоленных героев: в «Короле Лире» после бури на путь восхождения встает бедный Том, в «Дэвиде Копперфильде» – Дэвид.

В романе «Тайна Эдвина Друда» кажется, что вся природа содрогается по другим причинам: это не только восстание против законов чести и иерархий, это грех душегубства. Запах страшного смертоносного злодеяния витает в растревоженном воздухе. В шекспировской трагедии «Макбет» буря грянула той самой ночью, когда Макбет убил Дункана. Прямо перед тем, как Макдуф обнаружит труп («О ужас, ужас, ужас!»), Леннокс замечает (act 2, sc. 3, ls. 59–66):

Lennox:

The night has been unruly: where we lay,
Our chimneys were blown down; and, as they say,
Lamentings heard i' the air; strange screams of death,
And prophesying with accents terrible
Of dire combustion and confused events
New hatch'd to the woeful time: the obscure bird
Clamour'd the livelong night: some say, the earth
Was feverous and did shake [Shakespeare: 175].

В пер. Ю. Корнеева:

Леннокс:

Какая буря бушевала ночью!
Снесло трубу над комнатою нашей,
И говорят, что в воздухе носились
Рыданья, смертный сон и голоса,
Пророчившие нам годину бедствий
И смут жестоких. Птица тьмы кричала
Всю ночь, и, говорят, как в лихорадке,
Тряслась земля [Шекспир: 36].

Строку из шекспировского оригинала (“Our chimneys were blown down”) Диккенс по-своему припоминает в сцене бури, сопровождающей исчезновение Эдвина Друда: “Chimneys topple in the streets” (в переводе О. Холмской – «На улицах с крыш валятся трубы») [Диккенс: 462–463]). Англоязычные комментаторы обычно не оставляют без внимания рухнувшие наземь во время бури каминные трубы (см., например: [Jacobson: 132–133, Purer, Robison]). Впечатляет символичность насильственного разрушения камина, домашнего очага (chimney, fireside), у которого собираются близкие друг другу люди и в праздники, и в радости, и в горе.

В диккенсовском оригинале отголоски из «Макбета», разумеется, прочитываются куда яснее, чем в переводах. Пробиваясь сквозь текст романа то тут, то там, реминисценции из шекспировской трагедии резонируют друг с другом, что должно вызывать у читателей нарастание тревожного беспокойства и внушать мысль, что свершилось нечто непоправимое.

Подобные трагические предчувствия в свое время нащептала “ведьма” – хозяйка опиумного притона, прозванная Принцессой Курилкой (Princess Puffer), напоминающая макбетовских «вещих» ведьм и владеющая секретом замешивания опиумного зелья (подробнее о шекспировских и диккенсовских ведьмах см., например: [Beer, Jacobson]). Вот одно из ее предсказаний, адресованное самому Эдвину Друду, которого уменьшительно-ласкательным именем Нэд называл только его дядюшка Джаспер. Старуха встречается Эдвину на дороге, ведущей к дому Джаспера, где юноша собирается встречать Рождество.

«– Эдвин, Эдвин, Эдвин, – сонно повторяет она, словно убаюканная собственным бормотанием. Потом вдруг спрашивает: – А уменьшительное от него как – Эдди? <...> Благодарю Бога за то, что тебя не зовут Нэдом. <...> Потому что сейчас это нехорошее имя. <...> Опасное имя. Тому, кого так зовут, грозит опасность» [Диккенс: 456–457].

Предсказанное Эдвину горе – своего рода загадка о резких поворотах судьбы в духе макбетовских ведьм, ритмично, с опорой на аллитерацию, твердящих свое знаменитое “Fair is foul, and foul is fair” (букв. «Доброе и прекрасное страшно и грязно, страшное и грязное – добро и прекрасно»). В русских переводах эту фразу передают по-разному: «Зло есть добро, добро есть зло» (Б. Пастернак); «Зло станет правдой, правда – злом» (М. Лозинский); «Как мутное ясно, как ясное мутно» (В. Раппопорт). Подобно тому, как Макбет самонадеянно выбирает удобное для себя толкование колдовских загадок, Эдвин самонадеянно отмечает потрясшее его предупреждение старухи-опиумщицы и откладывает размышление о нем «на потом».

К «ведьминым» предсказаниям диккенсовский рассказчик присовокупляет описание видений самого Джаспера, находящегося под воздействием наркотиков. Вспомним для сравнения шекспировского Макбета и посещавшие его видения. Все они были мистического свойства – видение парящего кинжала до совершения государевубийства (“floating dagger”; Act 2, Sc. 1) и видение призрака Банко после совершения убийства (“Banquo’s Ghost”; Act 3, Sc. 4). Если видения-иллюзии, насылаемые на Макбета ведьмами, были связаны с тайнами поворотов судьбы, то явившиеся Макбету призраки воплощали в себе голос поруганной совести. Эти галлюцинации усугубляют душевное нездоровье Макбета, обнаруживают его помешательство.

Теперь вновь обратимся к галлюцинациям Джаспера. У Диккенса мистический элемент тесно переплетается с медицинским. Опыренный опиумом Джаспер неоднократно наслаждается видением, в котором разыгрывается убийство его племянника – Эдвина Друда, коего он считает своим соперником в любви к прекрасной Розе. В романе Диккенса само место действия основных событий, городок Клостергэм, где находится монастырь со старинными склепами, представлен в виде огромного замка с привидениями. Кстати говоря, пропавший в «никуда» посередине романа его заглавный герой тоже превращается, образно говоря, в призрака, который повсюду мерещится и героям, и читателям «Таны Эдвина Друда». Ощущение охватившей всех паранойи, психологического неблагополучия пронизывает атмосферу романа (любопытно в этой связи сравнение незавершенного произведения Диккенса с обителью «литературных призраков»: [Bridgham]).

Открыто шекспировский «Макбет» упоминается в романе «Тайна Эдвина Друда» дважды. Обе отсылки, не отягощенные пеленой мрачной загадочности, забавны и не внушают ужаса – подобно тому, как боязнь привидений исчезает при белом свете дня.

Одна отсылка примыкает к описанию великолепного буфета и лекарственного шкафчика в доме Септимуса Криспаркла, наполненных вкуснейшими заготовками и травами лечебного свойства. Приведем ее в русском переводе:

«Каких только изумительных настоев – из генцианы, мяты, шалфея, петрушки, тимьяна, руты и розмарина – не поглощал его мужественный желудок! <...> и безропотно глотал все, что ему давали, только напоследок, чтобы изгнать неприятный вкус, окунал лицо и руки в большую вазу с сухими розовыми лепестками и еще в другую вазу с сухой лавандой, а затем уходил, не опасаясь дурных последствий от проглоченных снадобий, ибо столь же твердо верил в очистительную силу клойстергэмской плотины и собственного здорового духа, сколь мало верила леди Макбет в таковые же свойства всех вод земных» (гл. 10 «Попытки и примирения» [Диккенс: 387–388]).

Погружение радостного духом Криспаркла в ароматы роз и лаванды оттеняется, по принципу резкого контраста, тщетными попытками Макбета и его жены смыть со своих рук кровь невинноубиенного Дункана и заглушить запах расправы изысканными ароматами. Ср. реплики: Macbeth: “Will all great Neptune’s ocean wash this blood / Clean from my hand?” (act 2, sc. 2, ls. 59–60) [Shakespeare, p. 174]; Lady Macbeth: “All the perfumes of Arabia will not sweeten this little hand” (act 5, sc. 1, ln. 48) [Shakespeare: 201].

Второй раз Диккенс отчетливо произносит имя Макбета, описывая визит Эдвина Друда в контору юриста Грюгиса (в пер. О. Холмской – Грюджиуса). И снова произнесенное вслух имя Макбета не способно испортить приятную дружественную атмосферу. Чтобы приветить неожиданно появившегося гостя, юрист немедленно заказывает блюда в ближайшей таверне, и на пороге появляются расторопные официанты:

«И заметим тут в скобках, что нога этого молодого человека, которую он употреблял для открывания и закрывания двери, по-видимому, была одарена особо тонким чувством осязания: она всегда вдвигалась в комнату первой, как некое шупальце, на несколько секунд предшествуя ему самому и несомому им подносу; и всегда удалялась последней, медля еще в дверях после того, как он и поднос уже исчезли, подобно ноге Макбета, которая неохотно влачится за ним со сцены, когда он идет убивать Дункана» (гл. 11 «Портрет и кольцо» [Диккенс: 408]).

Законы гостеприимства, свято соблюдаемые Грюгисом, были попорчены как Макбетом (Дункан гостил в замке своего будущего убийцы), так и Джоном Джаспером (Друд гостил в доме Джаспера в Клостергэме). Контраст сопоставления доброго хозяина со скверными Диккенс смягчает, отсылая своих современников к постановке «Макбета», где заглавную роль исполнял Уильям Макриди – известный и уважаемый Диккенсом актер, который порой двигался по сцене очень неспешно, что производило курьезный эффект в неподходящих ситуациях [Jacobson: 113]. Сняв напряжение улыбкой (ср. comic relief), автор на некоторое время развеивает стгутившийся трагедийный сумрак, подобно тому как вставные сцены в «Макбете» (знаменитый стук в ворота и речь призрака) на время отвлекали внимание зрителей от печальных событий. Благодаря вторжению забавного злые силы в романе Диккенса перестают казаться непобедимыми: даже если они наносят большой ущерб, в мире продолжает существовать добро и радость, а также люди, способные позаботиться о торжестве справедливости.

Обилие отсылок к Макбету не могло не затронуть киноадаптации романа. Однако эти отсылки заметнее англоязычной аудитории, нежели российскому зрителю. Проиллюстрируем нашу мысль, кратко обра-

тившись к трем известнейшим экранизациям «Тайны Эдвина Друда» 1935, 1980 и 2012 гг.

В старых киноверсиях диккенсовского романа, к примеру в черно-белом американском фильме 1935 г. *“The Mystery of Edwin Drood”*, прекрасно передана атмосфера викторианской Англии (реж. Стюарт Уолкер, сценарий Джона Болдерстона и Глэдис Ангэр). Заметим: Болдерстон был известен своим участием в создании готических сценариев «Дракулы» (1931; 1979), «Франкенштейна» (1931; 1935) и «Газового света» (1944). Этот опыт, подпитывавшийся также тягой к немецкой экспрессионистской кинематографии, пригодился сценаристу и для работы над диккенсовским «Друдом». Фильм выдержан в стилистике фильмов ужасов, изображающих мрачные душные пространства, запутанные коридоры и вскрытые гробницы. Сцена разоблачения преступника в конце фильма – в склепе прямо над останками Эдвина Друда, – придуманная сценаристами, весьма показательна. Любопытно, что, изображая рождественскую бурю, создатели фильма крупным планом показали не падающие с крыш каминные трубы, а раскачиваемый сильным ветром, а затем погасший и рухнувший уличный фонарь.

Среди отечественных постановок диккенсовского романа безусловно выделяется телеспектакль 1980 г. в четырех сериях «Тайна Эдвина Друда» (реж. А. Орлов; авторы сценария А. Орлов и Г. Капралов) с участием В. Гафта, Р. Плятта, А. Леонтьева, С. Юрского, Е. Кореньевой, М. Тереховой. Советская постановка отдала дань постмодернистскому духу времени, предусмотрев, насколько это возможно в видеозаписи, «интерактивность» спектакля: сценаристы попытались изобразить сцену разбирательства детективной истории и вовлечь зрителей в размышления о событиях и персонажах романа. Отсылки к «Макбету» не являются значимыми для этой версии романа. В частности, начало спектакля обнаруживает перед зрителем не опиумный притон, хозяйкой которого является «ведьма», умеющая колдовать над «котелками» с зельем, затуманивая границу между злом и добром, прекрасным и ужасным, “foul” и “fair” (так было у Диккенса). Здесь глазам телезрителя явлена жизнеутверждающая сцена: младший каноник Кришпаркл окунается в прорубь у стен зимнего монастыря и бодро бежит домой, всем своим видом излучая здоровье тела и духа. С другими реминисценциями из «Макбета» произошло схожее редактирование, что само по себе является оригинальным прочтением диккенсовского произведения. Так, сцена бури снята на фоне не пустоши и не заснеженного города, а на фоне деревьев, утопающих в зеленой листве. И рассуждение о разрушениях после бури вкладываются в уста мэра города – мистера Сапси, персонажа очень курьезного (роль исполнил Е. Весник), почти

комического – и едва ли способного воскресить суровые интонации Леннокса. Любопытно, что от шекспировских и диккенсовских каминных труб, падающих с крыш во время грозной «метафизической» бури, создатели постановки 1980 г. отказались. А фонарь, фигурирующий на экране крупным планом (но не потухший, а просто привлекающий внимание к контрасту света и мрака), воспринимается как реминисценция из вышеупомянутого фильма 1935 г.

В одной из недавних англоязычных экранизаций романа (2012 г.), изначально содержащей восемь 30-минутных серий, а затем переведенной в формат двухсерийного полнометражного фильма, содержится отсылка не только к тексту трагедии «Макбет», но и к ее кинематографическим версиям, включая картину 1948 г. Орсона Уэллса (подробнее о переключках между англоязычными киноверсиями «Тайны Эдвина Друда» и экранизациями Шекспира см., например: [Bridgham, Wadoux]). Помимо игры со светом и тенью примечательно использование искривленных или размытых крупных планов, мешающих видеть происходящее и имитирующих искажение зрительного восприятия, какое бывает во время галлюцинаций. Так, страшные опиумные видения Джаспера, поощряемые “ведьмой” – хозяйкой опиумного притона, – представлены очень ярко и мистично. Усиление определенных звуков – настороженного шепота, отголосков эха – тоже используется как прием, нагнетающий напряжение. В конце этой экранизации романа перед Джаспером в потоке ослепляющего света является, как ему кажется, призрак Эдвина Друда (напоминает явление шекспировских призраков – призрака Банкво и «призрака» Макдуфа). Однако выясняется, что это не бесплотное видение, а настоящий Эдвин Друд, живой и невредимый (концовка диккенсовского романа здесь переделана Гвинет Хьюз). Жертвой Джаспера оказывается совершенно другой человек, погубленный по недоразумению.

Таким образом, густая сеть диккенсовских отсылок к «Макбету», присутствующая в оригинальном тексте незавершенного романа «Тайна Эдвина Друда» – это не просто орнаментальные элементы готики, но важные структурно-смысловые опоры произведения, задающие определенную динамику развития действия. Диккенс, используя суггестивные техники и скрытые цитаты, формирует психологический портрет Джона Джаспера как викторианского Макбета, одержимого роковой страстью, преследуемого галлюцинациями и осознанием собственной вины. Символичность бушующей бури и рухнувших каминных труб в трагическую ночь, когда с героем происходит несчастье (гибель Дункана, исчезновение Эдвина Друда), нарушение законов гостеприимства, лежащие тяжким грузом на совести Макбета и Джаспера, регулярное появление ведьм с их загадочными

вещаниями создают ощущение продуманной переключки диккенсовского повествования с шекспировской пьесой. Создается впечатление, что преступления Джаспера являются отголосками преступлений Макбета, а несчастная судьба Друда по-своему повторяет несчастную судьбу Дункана. Однако важный нюанс диккенсовского подхода заключается в сочетании мрачной трагедийности с богатством иронии, что отличает роман 1870 г. от пьесы начала XVII в., где (исключая редкие моменты комической разрядки) царит метафизический ужас. Рассмотрение экранизаций «Тайны Эдвина Друда» доказывает, что не все адаптации романа сохраняют сеть шекспировских отголосков. Возможно, будущие сценарные обработки «Тайны Эдвина Друда», в том числе создающиеся на русском языке, отразят в себе комплекс макбетовских реминисценций, эффектно и зрелищно раскрывая связь последнего романа Диккенса с великой трагедией Шекспира.

Список литературы

Диккенс Ч. Тайна Эдвина Друда / пер. с англ. О. Холмской // Собрание сочинений Диккенса: в 30 т. Т. 27 / под ред. А.А. Аникста, В.В. Ивашева. Москва: Гос. изд. худож. лит.-ры, 1962. С. 277–583.

Сафонова С.Ю. Особенности построения сюжета в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и романе Ч. Диккенса «Тайна Эдвина Друда» // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 4 (65). С. 94–97.

Халтрин-Халтурина Е.В. Диккенс и игры в вариации и номинации-2: Роман «Тайна Эдвина Друда» и сюрпризы жанра // Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации / отв. ред. М.Р. Ненарокова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. С. 314–340. URL: <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0777-9-314-340>

Чечётко М., Фролов И. Великая загадка: роман Чарльза Диккенса «Тайна Эдвина Друда» в литературной критике и в попытках его завершения // Deutsche Internationale Zeitschrift Für Zeitgenössische Wissenschaft, 2023, no. 57, s. 26–30.

Шекспир У. Макбет / пер. Ю. Корнеева // Уильям Шекспир. Полное собр. соч.: в 8 т. Т. 7 / под общ. ред. А. Смирнова, А. Аникста. Москва: Искусство, 1960. С. 3–100.

Beer J. Opium, Dreams, and the Unconscious in *The Mystery of Edwin Drood*. Dickens Studies Annual, 1984, vol. 13, pp. 157–175.

Bridgham E. Recent Dickens Studies: 2011. Dickens Studies Annual, 2013, vol. 44, pp. 243–267.

Cox D.R. The Mystery of Edwin Drood: An Annotated Bibliography. New York, AMS, 1998, XXXVI + 669 p.

Dickens Ch. The Mystery of Edwin Drood. London, Chapman and Hall, 1870, 190 p.

Duffield H. The Macbeth Motif in Edwin Drood. The Dickensian, 1934, no. 30, pp. 263–271.

Gager V.L. Shakespeare and Dickens: The Dynamics of Influence. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1996, 419 p.

Jacobson W.S. The Companion to “The Mystery of Edwin Drood”. London, Allen & Unwin, 1986, XVII+209 p.

Matz B.W. The Mystery of Edwin Drood: A Bibliography. The Dickensian, 1911, vol. 7, no. 5, pp. 130–133.

Orford P. The Mystery of Edwin Drood: Charles Dickens' Unfinished Novel & Our Endless Attempts to End It. Barnsley (UK), Pen & Sword Books, 2018, 259 p.

Pypeć M. Playing with the Past: Neo-Victorianism and Metatheatricality in *The Mystery of Edwin Drood*. Anglica: An International Journal of English Studies, 2011, vol. 20, pp. 81–99.

Robison R. Storm Symbolism and Fate in Dickens' *The Mystery of Edwin Drood*. Journal of Victorian Studies, 1972, vol. 19, pp. 45–67.

Shakespeare W. Macbeth, ed. by S. Clark & P. Mason. London, Bloomsbury Publishing, 2015, 447 p. (The Arden Shakespeare Third Series). [Electronic Kindle edition].

Wadoux C. Dickens and His Doppelgänger: Playing Detective in Neo-Victorian Fiction. Litterae Mentis: Studies in Literature and Consciousness, 2018, vol. 5, pp. 19–36.

Whiteley G. The Gothic in Dickens and Shakespeare: Shadows and Echoes. The Palgrave Handbook of Gothic Origins, ed. by Clive Bloom. London, Palgrave Macmillan, 2021, pp. 92–115.

References

Chechetko M., Frolov I. *Velikaya zagadka: roman Charl'za Dikkensa «Tayna Edvina Druda» v literaturnoy kritike i v popytkakh yego zaversheniya* [The Great Riddle: Charles Dickens's Novel The Mystery of Edwin Drood in Literary Criticism and in Attempts to Complete It]. *Deutsche Internationale Zeitschrift Für Zeitgenössische Wissenschaft*, 2023, no. 57, pp. 26–30. (In Russ.)

Dickens Ch. *Tayna Edvina Druda* [The Mystery of Edwin Drood], trans. from English by O. Kholmakaya. *Sobraniye sochineniy Dikkensa: v 30 t. T. 27* [Collected Works of Dickens: in 30 vols. Vol. 27], ed. by A.A. Anikst, V.V. Ivasheva. Moscow, Gos. izd. khudozh. lit.-ry Publ., 1962, pp. 277–583. (In Russ.)

Haltrin-Khalturina E.V. *Dikkens i igry v variacii i nominacii-2: Roman «Tajna Edvina Druda» i syurprizy zhanra* [Dickens and the Variations/Nominations Game-2: The Mystery of Edwin Drood and the Wanders of the Genre]. *Anglijskaja klassicheskaja literatura v mirovoj kul'ture: recepcii, transformacii, interpretacii* [English classical literature in world culture: receptions, transformations,

interpretations], ed. by Maria R. Nenarokova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, p. 314–340. (In Russ.)

Safonova S.Yu. *Osobennosti postroyeniya syuzheta v romane F.M. Dostoyevskogo «Prestupleniye i nakazaniye» i romane Ch. Dikensa «Tayna Edvina Druda»* [Features of the plot construction in the novel by F.M. Dostoevsky “Crime and Punishment” and the novel by C. Dickens “The Mystery of Edwin Drood”]. *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* [Humanitarian and socio-economic sciences], 2012, no. 4 (65), pp. 94–97. (In Russ.)

Shakespeare W. *Makbet* [Macbeth], trans. by Yu. Korneev. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 8 t.* [Complete Works: in 8 vols. Vol. 7], ed. by A. Smirnov, A. Anikst. Moscow, Iskustvo Publ., 1960, pp. 3–100. (In Russ.)

Beer J. Opium, Dreams, and the Unconscious in *The Mystery of Edwin Drood*. Dickens Studies Annual, 1984, vol. 13, pp. 157–175.

Bridgham E. Recent Dickens Studies: 2011. Dickens Studies Annual, 2013, vol. 44, pp. 243–267.

Cox D.R. *The Mystery of Edwin Drood: An Annotated Bibliography*. New York, AMS, 1998, XXXVI + 669 p.

Dickens Ch. *The Mystery of Edwin Drood*. London, Chapman and Hall Publ., 1870, 190 p.

Duffield H. The Macbeth Motif in Edwin Drood. *The Dickensian*, 1934, no. 30, pp. 263–271.

Gager V.L. *Shakespeare and Dickens: The Dynamics of Influence*. Cambridge, Cambridge Univ. Press Publ., 1996, 419 p.

Jacobson W.S. *The Companion to “The Mystery of Edwin Drood”*. London, Allen & Unwin Publ., 1986, XVII+209 p.

Matz B.W. *The Mystery of Edwin Drood: A Bibliography*. *The Dickensian*, 1911, vol. 7, no. 5, pp. 130–133.

Orford P. *The Mystery of Edwin Drood: Charles Dickens' Unfinished Novel & Our Endless Attempts to End It*. Barnsley (UK), Pen & Sword Books Publ., 2018, 259 p.

Pypec M. Playing with the Past: Neo-Victorianism and Metatheatricality in *The Mystery of Edwin Drood*. *Anglica: An International Journal of English Studies*, 2011, vol. 20, pp. 81–99.

Robison R. Storm Symbolism and Fate in Dickens' *The Mystery of Edwin Drood*. *Journal of Victorian Studies*, 1972, vol. 19, pp. 45–67.

Shakespeare W. *Macbeth*, ed. by S. Clark & P. Mason. London, Bloomsbury Publ., 2015, 447 p. (The Arden Shakespeare Third Series). [Electronic Kindle edition].

Wadoux C. Dickens and His Doppelgänger: Playing Detective in Neo-Victorian Fiction. *Litterae Mentis: Studies in Literature and Consciousness*, 2018, vol. 5, pp. 19–36.

Whiteley G. *The Gothic in Dickens and Shakespeare: Shadows and Echoes*. *The Palgrave Handbook of Gothic Origins*, ed. by Clive Bloom. London, Palgrave Macmillan Publ., 2021, pp. 92–115.

Статья поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 25.03.2025.

The article was submitted 21.02.2025; approved for reviewing 24.03.2025; accepted for publication 25.03.2025.